

А. М. ЩЕРБАК

ОБ АЛТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

От редакции. Публикуемая статья А. М. Щербака приводит краткие сведения по историографии вопроса о близости между алтайскими языками, которая объясняется различными учеными либо первоначальным генетическим родством этих языков, либо их конвергентным развитием. При этом автор статьи в общем примыкает к последней точке зрения.

Отмечая чрезвычайную сложность вопроса и недостаточность сравнительно-исторических исследований по алтайским языкам, особенно в части этимологического изучения корневого состава лексики этих языков, редакция находит, что А. М. Щербак в своей статье касается лишь некоторых вопросов алтайстики, в частности, явно переоценчивая при этом значение так называемого «закона Рамстедта—Пеллио». Тем не менее редакция считает, что данная статья может представить известный интерес для широкого круга читателей в силу актуальности затронутого вопроса, который в последнее время вновь начинает привлекать к себе внимание многих ученых как у нас, так и за рубежом, например на международных конгрессах востоковедов, на различных алтайских семинарах и сессиях [Майнц (ФРГ) и др.].

В настоящее время вопросы, относящиеся к так называемой алтайской гипотезе, вновь привлекают внимание специалистов, работающих в области сравнительной грамматики тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Обусловлены ли связи, обнаруживаемые в лексике и грамматике, в звуковой и грамматической структуре слов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других, обычно причисляемых к алтайским языкам, их происхождением из одного языка-основы или же эти связи носят характер взаимовлияний (имевших место на протяжении длительного периода времени) — вот основной вопрос алтайстики в ее лингвистическом аспекте. Он поставлен в середине XIX в. и остается открытым вплоть до настоящего времени. В этой статье мы не ставим перед собой задачи решить данный вопрос. Наша цель — показать истоки алтайстики и ее современное состояние.

1

В числе основоположников алтайской точки зрения обычно называют Р. Раска, выделившего целый ряд языков Урала и Сибири в так называемую скифскую группу, а также И. Страненберга и А. Ремюза, выделявших приблизительно те же языки под наименованием «татарских»¹.

Впервые термин «алтайские» был употреблен в середине XIX в. В. Шоттом и М. А. Кастреном², исходившими из предположения, что прародиной многих близких языков северо-восточной части Европы и Сибири был Алтай. Кастрен и Шотт явились вместе с тем первыми исследователями, взявшими на себя задачу научно обосновать родство алтайских языков, к которым они относили языки финнов, тюрков, самоедов, монголов и тунгусов, т. е. языки, впоследствии называемые урало-алтайскими.

¹ См. об этом: O. D o n n e r, Die ural-altaischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. I, Hf. 1, 1901, стр. 129; см. также J. D e n y, Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes, сб. «Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen», Paris, 1924, стр. 185, 186.

² M. A. C a s t r é n, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Petersburg, 1857, стр. 14, 18; W. S c h o t t, Über das altaïsche oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht, Berlin, 1849, стр. 1.

Определение состава алтайской семьи (resp. урало-алтайской) во второй половине XIX в. шло как по линии уточнения родственных связей между теми языками, о которых говорили М. А. Кастрен и В. Шотт, так и в направлении поисков других возможных представителей алтайской общности. В связи с этим делались попытки включить в урало-алтайскую семью кавказские языки, дравидские (точнее сказать — «все особенности грамматической структуры, которыми дравидские языки отличаются от санскрита»)¹, японский², затем кетский и некоторые другие енисейские языки (коттский, аринский, ассанский)³. Многие языки сближались с урало-алтайскими путем сопоставления их с какой-либо определенной ветвью этих языков. Так, например, предполагалось наличие родства между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и шумерским, с другой⁴, между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и корейским⁵.

Таким образом, границы алтайской языковой общности оказались раздвинутыми от Скандинавии на северо-западе до Японских островов на юго-востоке и до Чукотского полуострова на северо-востоке. Следует, однако, заметить, что не всегда в основе стремлений расширить границы алтайского языкового мира лежали чисто научные мотивы и соображения.

Что касается языковых признаков, которые использовались раньше и используются в настоящее время для установления родства урало-алтайских языков, то следует заметить, что в этом отношении нет единства в среде алтайстов. Однако большинство из них (М. А. Кастрен, Г. Винклер, А. Соважо и др.) объединяющими признаками считают гармонию гласных, способ образования грамматической формы, отсутствие префиксов и предлогов, неизменность склонения и координативную структуру предложения, а также указывают на наличие большого количества лексических параллелей⁶. В. Банг и Ю. Немет называют, кроме того, конкретные признаки из области морфологии⁷.

Сомнения относительно истинности алтайской (resp. урало-алтайской) гипотезы возникли одновременно с возникновением этой гипотезы⁸. Постепенно эти сомнения возрастали, число сторонников урало-алтаяизма все уменьшалось, тогда как ряды противников непрерывно росли. Из числа последних часть выступала против принципов выделения урало-алтайских языков и отрицала наличие такой языковой семьи вообще, часть высказывалась против возможности отнесения к урало-

¹ R. Caldwell, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, 3-rd ed., London, 1913. Библиографию см.: K. Bouda, Dravidisch und Uralaltaisch, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXV, Hf. 3—4, 1953, стр. 173.

² См.: G. J. Ramstedt, A comparison of the Altaic languages with Japanese, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Second series, vol. I (1923, 1924), Tokyo, 1924; W. Pröhle, Studien zur Vergleichung des japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, «Keleti szemle», t. XVII, sz. 1—3, Budapest, 1916—1917.

³ Библиографию по этому вопросу см.: Н. К. Каргер, Кетский язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 223—224.

⁴ См. F. Hommel, Ethnologie und Geographie des alten Orients, München, 1926, стр. 21—22.

⁵ См. G. J. Ramstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften», Helsinki, 1935, стр. 86—89; еже, A Korean grammar, Helsinki, 1939, стр. 20—21.

⁶ См.: M. A. Castren, указ. соч., стр. 17, 18; H. Winkler, Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Berlin, 1921, стр. 32; A. Sauvageot, Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques, Paris, 1930, стр. XXI, XXVI. Большое количество общих слов устанавливает также М. Рясиен (см. M. Räsänen, Ural-altaische Wortschungen, Helsinki, 1955).

⁷ W. Bang, Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. IX, 1895, стр. 267—276; еже, Ural-altaische Forschungen, «Einzelbeiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft», Hf. X, Leipzig, 1890, стр. 1—44; J. Német, Probleme der türkischen Urzeit, «Analecta orientalia memoriae A. Csoma de Körös dicata», vol. I, Budapestini, 1942, стр. 82—83.

⁸ См. O. Böhtlingk, Über die Sprache der Jakuten, St. Petersburg, 1851, стр. XXXIV.

алтайской общности тех или иных конкретных языков, например корейского, японского и др.¹. С резкой критикой алтайской гипотезы выступил С. М. Широкогоров².

Сомнения в возможности установления системы строгих соответствий и доказательства родственных связей между разными группами урало-алтайских языков так или иначе высказывались почти всеми сторонниками алтайизма. Так, например, М. А. Кастрен — один из основоположников алтайской гипотезы — отмечает то обстоятельство, что многие из урало-алтайских языков «стоят в очень отдаленном отношении друг к другу»; в особенности это касается финского, с одной стороны, монгольского и тунгусского языков, с другой³. Явно сочувствующий алтайской гипотезе А. Соважо не решается считать установленным происхождение от общего предка даже тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁴. Серьезные сомнения высказывают также Г. Рамстедт и Ю. Немет⁵.

Кризис гипотезы об урало-алтайском родстве вызывает необходимость дополнительной проверки ее при помощи новейшей методики⁶ и приводит к поискам новых путей объяснения сходных особенностей уральских и алтайских языков. Получает широкое распространение квалификация урало-алтайских языков как обобщенного лингвистического типа, характерного для определенного географического района на континенте Евразии⁷. В основу выделения этого типа и вообще подобных типов (циклов) положена точка зрения о возможности наслаждания на генетические признаки признаков исторических, причем именно совокупность последних позволяет объединять языки разных языковых семей.

В связи с новым подходом к алтайской проблеме происходит разделение урало-алтайских языков на две группы: уральскую и алтайскую. При этом, с одной стороны, усиливается тенденция сблизить уральские языки с индоевропейскими⁸, с другой стороны, намечается стремление уточнить состав и обосновать генетическое родство алтайских языков⁹.

Основными подразделениями алтайской общности новая алтаистическая традиция называет тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки¹⁰. К числу признаков, позволяющих выделить эти три группы,

¹ См., например, Shirokoff, The relationship between Japanese and the Luchuan, Korean and Altaic languages, «The Japanese journ. of ethnology», vol. XIII, № 3, Tokyo, 1948.

² S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistical aspects of the Ural-altaic hypothesis (Reprinted from «Tsing Hua journal», vol. 6), Peiping, 1931, стр. 55—56, 89—90, 162, 168.

³ M. A. Castrén, указ. соч., стр. 14.

⁴ См. A. Sauvageot, указ. соч., стр. XXX.

⁵ G. J. Ramstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, стр. 91; J. Német, The ancient relation between the Uralic and the Turkish languages, «Nyelvtudományi Közlemények», kötet XLVII, szám 1, 1928, стр. 62—84. Итоги продолжительным исследованиям в области урало-алтайских языков подводят Т. Себеок (T. A. Sebeok, The meaning of «Ural-Altaic», «Lingua», vol. II, 2, Haarlem, 1950, стр. 135, 136).

⁶ Так, Б. Коллиндер, например, пользуется при этом статистическим методом [см. B. Collinder, La parenté linguistique et le calcul des probabilités, «Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1948 : 13), 1948]. Критическое изложение содержания этой статьи см.: V. Pisani, Parenté linguistique, «Lingua», vol. III, 1.

⁷ См. T. Mielwski, Zaris językoznawstwa ogólnego, cz. II, zesz. 1, Lublin—Kraków, 1948, стр. 205—206.

⁸ Историю развития этой тенденции см.: B. Collinder, Zur indo-uralischen Frage, «Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1954 : 10), 1954.

⁹ Д. Синор высказывает предположение о том, что родственными уральским, или финно-угорским, языкам из алтайских могут быть только тюркские (D. Sinor, Le problème de la parenté des langues ouralo-altaïques, «La revue de géographie humaine et d'ethnologie», vol. I, № 1, Paris, 1948, стр. 68, 69).

¹⁰ Иногда сюда же относят корейский язык, точнее — то, что не является в корейском языке китайским вкладом (см. G. J. Ramstedt, The relation of the Altaic languages to other language groups, «Journ. de la Société finno-ougrienne», [vol.] LIII, (1946—1947), Helsinki, 1947, стр. 15).

В. К. Метьюс относит гармонию гласных, двойственное деление твердых взрывных согласных, тенденцию избегнуть начальные звонкие, ясность и устойчивость гласных, неустойчивость конечного *н*, отсутствие групп согласных звуков в начале и конце слова, отсутствие долгих или удвоенных согласных и расположность к открытым слогам¹. Е. Д. Поливанов со своей стороны указывал на исключительно суффиксальный тип морфологии, постоянное место (на начальном слоге) и экспираторный характер ударения, «приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы» (односложные и двусложные комплексы)², сингармонизм³, сходства общего характера в составе фонетической системы. Много усилий в области разработки сравнительной фонетики и грамматики алтайских языков приложил Г. Рамстедт, разработавший наиболее полную систему звуковых соответствий и соответствий грамматических форм⁴.

Ж. Дени, автор общей части описания тюркских, монгольских и тунгусских языков в новом издании книги «Языки мира», общими чертами всех трех групп считает следующие. В области фонетики — гармонию гласных (причем гармония гласных нёбного притяжения отражается на некоторых согласных, главным образом «гуттуральных»), стремление (преимущественно в тюркских языках) избежать в начале слова сonorных, незначительную роль полугласных (*w* — позднее явление), неустойчивость конечного *н*, отсутствие геминированных согласных в основе и в изолированных аффиксах, отсутствие стечений согласных в начале слова, по крайней мере когда первый из них не есть плавный сонорный (*p*, *l*). В области морфологии — отсутствие грамматического рода, наличие только двух грамматических чисел, возможность использования так называемых «обнаженных» корней, агглютинативно-суффиксальный характер морфологии (отсутствие префиксов), отсутствие предлогов (их заменяют послелоги), наличие одного типа спряжения и т. д. В области синтаксиса — порядок слов в предложении (второстепенные члены предшествуют главным), почти полное отсутствие союзов и относительных местоимений (придаточным предложениям индоевропейских языков соответствуют «квази-предложения», т. е. группы слов, оканчивающиеся именными формами глагола: именами действия, причастиями, герундивами). Общими для всех трех групп являются аффикс местного падежа *-ðä*, аффикс *-ki*, сопровождающий локатив, и аффикс род. падежа; имеют много сходства личные местоимения⁵.

По мнению Б. Я. Владимирцова, «на родственную связь между монгольским, тюркским и тунгусским указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, частности морфологии этих языков»⁶. Изучению в сравнительно-сопоставительном плане фонетики и морфологии алтайских языков посвящены некоторые статьи М. Левицкого, а также многие работы В. Котвича⁷, отличающиеся

¹ W. K. Matthews, *Languages of the USSR*, Cambridge, 1951, стр. 53.

² См. Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков, ИАН СССР, Серия VI, 1927, № 15—17, стр. 1198.

³ «Сингармонизм... в современном корейском языке отсутствует. Но пережитком его можно считать уцелевшие доныне чередования вроде *a/A...*» (там же, стр. 1199).

⁴ G. J. Ramstedt, *Studies in Korean etymology*, II, Helsinki, 1953, стр. 10—12; е г о ж е, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, I — *Lautlehre*, Helsinki, 1957, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, II — *Formenlehre*, 1952.

⁵ Сб. «Les langues du monde...», Nouvelle édition, 1952, стр. 319—320, 322—330.

⁶ См. Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 46.

⁷ См., например: M. Lewicki, *Przyrostki przysłówkowe -ra~-rä, -ru~-rë, rë~-ri w językach altajskich*, Wilno, 1938; W. Kotwicz, *Contributions aux études altaïques*, I—III, «Rocznik orientalistyczny» (RO), t. VII (1929—1930), Lwów, 1931, IV—V — RO, t. XII, Lwów, 1936; е г о ж е, *Les éléments turcs dans la langue mandchoue*, RO, t. XIV (1938), Lwów, 1939; е г о ж е, *Les pronoms dans les langues altaïques*, Kraków, 1936.

богатством материала, глубиной анализа и большой осторожностью в объяснении сходных или совпадающих языковых фактов.

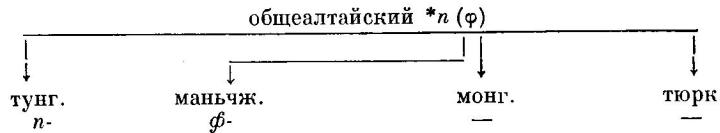
Ошибочно было бы думать, что выделение алтайской семьи в новом варианте, т. е. в составе указанных выше трех или четырех групп, является уже достаточно обоснованным и не вызывает таких сомнений, какие возникали, например, при выделении алтайской семьи в составе уральских и собственно алтайских языков. О недостаточной обоснованности уже известных положений алтаистики или вообще о невозможности доказать наличие родственных связей между отдельными группами собственно алтайских языков так или иначе говорит большинство специалистов, работающих в соответствующей области. Например, И. Бензинг полагает, что на вопрос о том, родственны ли тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно до тех пор, пока не будут тщательно исследованы языки каждой из указанных групп и пока не будут выяснены как все их особенности, так и объединяющие их моменты¹. С большой решительностью против алтайской теории в последнее время выступает Г. Клоусон, подчеркивающий, что в основе многих общих тюрко-монгольских языковых явлений лежат продолжительные взаимодействия этих языков². Этот же момент отмечает и Л. Лигети, для которого родство так называемых алтайских языков является все же «очень вероятной гипотезой»³. Безоговорочно алтайскую гипотезу поддерживает Н. А. Баскаров⁴ и др.

Для характеристики современного состояния алтайской теории чрезвычайно важным является то, что до настоящего времени не была разработана четкая методика сравнительного исследования алтайских языков даже такими наиболее выдающимися алтаистами, как Г. Рамstedt и Б. Я. Владимирцов. Представляется знаменательным и тот факт, что такой крупный специалист в области алтаистики, как В. Котвич, уделивший много внимания изучению алтайских связей, в последние годы своей жизни признал несостоятельность гипотезы о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁵.

2

Ниже мы рассмотрим фонетический закон Рамстедта—Пеллио и остановимся на некоторых алтайских праформах, восстановленных главным образом для тюркских и монгольских языков. Закон Рамстедта—Пеллио не является основным в системе доказательств генетического родства алтайских языков, тем не менее это — единственный фонетический закон, установленный на материалах всех трех языковых групп.

Закон Рамстедта — Пеллио выражается в следующей схеме:

¹ См. J. Benzinger, *Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie*, Wiesbaden, 1953, стр. 4.

² G. Clauson, *The case against the Altaic theory*, «Central Asiatic journal», vol. II, № 3, The Hague—Wiesbaden, 1956, стр. 181—187.

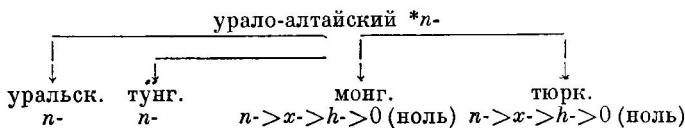
³ Л. Лигети, [реп. на кн.] Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, ГЯ, 1955, № 5, стр. 134.

⁴ См. предисловие Н. А. Баскарова (стр. 5) к кн.: Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание. Морфология*, М., 1957.

⁵ См. W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, RO, t. XVI (1950), Kraków, 1953, стр. 307—314. Общие вопросы алтайстики обсуждались на XXIV Международном конгрессе естокогедов в Мюнхене в 1957 г. (материалы еще не опубликованы) и на заседании вновь созданного алтайского семинара в Майнце в 1958 г.

Г. Рамстедт высказывает предположение о том, что в алтайском языке в начале слова существовал некий глухой спирант φ , который в современных алтайских языках отразился по-разному или вообще не оставил никаких следов¹. В отличие от Г. Рамстедта, П. Пеллио считает этот изначальный глухой не спирантом, а смычным звуком².

В дальнейшем схема закона Рамстедта — Пеллио становится более развернутой благодаря тому, что А. Соважо включает в нее также уральские языки³:

«Заключение из всего этого,— пишет А. Соважо,— таково, что закон Рамстедта, проверенный Пеллио для древнемонгольского языка, подтверждается, с другой стороны, сравнением с языками, составляющими уральскую группу»⁴. В общем урало-алтайском языке, по мнению А. Соважо, смычный лабиальный *n мог чередоваться со звуком *b⁵.

Новейший вариант закона Рамстедта — Пеллио воплощен в схеме Д. Синора⁶, куда оказались включенными не только уральские, но и индоевропейские языки:

Создавая эту схему, Д. Синор опирается на некоторые соответствия, обнаруженные в свое время Ю. Х. Тойвоненом и распространяющиеся, по мнению Д. Синора, на индоевропейские языки. Ср., например: др.-турк. *adak* (*azak~ajak*) «нога», чуваш. *ура*, угорск. *píð~pöd*, санскр. *rad*, лат. *pedis* (*ak* в др.-турк. *adak*). Д. Синор рассматривает как морфологический элемент⁷.

¹ См. G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, «Journ. de la Société finno-ougrienne», vol. XXXII, Helsingfors, 1916—1920. В несколько своеобразной форме этот закон излагает впервые В. Томашек (см. его «Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden», I, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe, Bd. CXVI, 1888, стр. 46).

² P. Pelliot, Les mots à *h* initiale, aujourd’hui amuie, dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles, «Journ. asiatique», t. CCVI, fasc. 2, 1925, стр. 263.

³ A. Savagot, Recherches..., стр. 62.

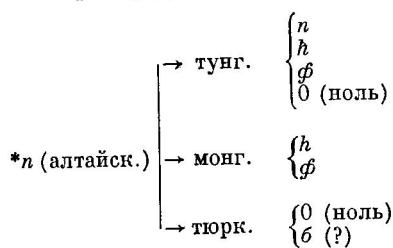
⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 59—62.

⁶ D. Sino, Ouralo-altaïque — indo-européen, «T'oung Pao», vol. XXXVII, livr. 5, 1943, стр. 235.

⁷ Там же, стр. 228.

С учетом схемы Д. Синора предложил свой вариант Л. Гамбис¹:

Проверка и конкретизация закона Рамстедта — Пеллио производилась главным образом на материале монгольских языков². Итоги многочисленных исследований в этой области подведены Г. Д. Санжеевым: «...отличия одних монгольских диалектов от других в то время (имеется в виду XIII в.—А. III.) сводились в основном к различной степени эволюции начального губного *n* от *φ* до нуля: одни диалекты еще сохраняли этот начальный губной *n*, другие изменили последний на проточный *h*, а третьи утратили и этот *h*. Несомненным потомком первых является ныне монгорский язык. Ойратские диалекты в XIII в. имели начальный ноль вместо былого согласного *n*»³. Г. Д. Санжеев приводит далее следующие примеры:

монг.ор.	средн.-монг.	халх.-монг.	
<i>ֆайн</i>	<i>hon</i>	<i>он</i>	«год»
<i>ֆади</i>	<i>нодун</i>	<i>одүн</i>	«звезда»
<i>фуда</i>	<i>нугута</i>	<i>үтә</i>	«сума, мешои»
<i>фүгор</i>	<i>хүкер</i>	<i>үхэр</i>	«бык, корова»
<i>харга</i>	<i>халага</i>	<i>алай</i>	«ладонь»
<i>харван</i>	<i>харбан</i>	<i>арбан</i>	«десять»
<i>хэгэi</i>	<i>хекин</i>	<i>ехин</i>	«начало»

Из сформулированных Г. Д. Санжеевым выводов следует, что материалы монгольских языков как будто бы подтверждают гипотезу Рамстедта — Пеллио. Однако можно возразить Г. Д. Санжееву в отношении возможности изменения *x (h) > n*.

Проверка закона Рамстедта — Пеллио на тунгусском материале не привлекла такого внимания исследователей, как это имело место среди монголистов. Тем не менее следует отметить, что случаи проявления в тунгусских языках начального билабиального или аспирата⁴ перед аспирированными или неаспирированными гласными указывались А. Шифнером, Л. Адамом и В. Грубе.

Специально вопрос о возможности применения закона Рамстедта — Пеллио к тунгусскому материалу изучался С. М. Широкогоровым, который в конечном итоге пришел к отрицательным выводам. Различные начальные звуки, нерегулярно обнаруживающиеся перед гласными (*x*, *h*, *φ*, *n*), Широкогор обяснял как результат явлений аспирации и билабиализации, из которых первое рассматривалось им как неосознаваемый процесс сохранения, или предохранения («of preservation») гласных, функционально соответствующий их акцентуации⁵.

¹ L. Hambris, Grammaire de la langue mongole écrite, pt. 1, Paris, 1945, стр. 78.

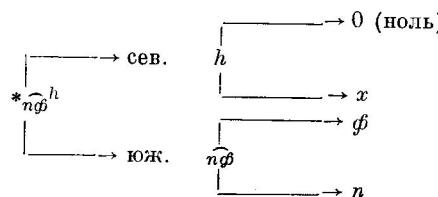
² См. указанные выше работы П. Пеллио; можно назвать также: A. Mostagert, A. de Shiledt, Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansu occidental, «Anthropos», Bd. XXV, № 3, 4, 1930. Вопрос о начальном *h* в монгольских языках рассматривался в работе: М. П. Хомонов, Исследование слов с начальным *h* в монгольских языках в свете нового учения о языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1950.

³ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 11; ср. также стр. 24 и 29.

⁴ Раздел, посвященный этому звуку, имеется в работе: В. И. Чинчиус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 247.

⁵ S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistical aspects..., стр. 103, 104, 109, 118, 120; его же, Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages, RO, t. VII (1929—1930), Lwów, 1931.

По-видимому, иначе относится к проблеме начального глухого смычного в тунгусо-маньчжурских языках В. И. Цинциус, которая делает попытку реконструировать соответствующий тунгусо-маньчжурский архетип, предлагая нижеследующую схему¹:

Однако сам характер восстанавливаемого архетипа свидетельствует против предположения о его существовании вообще, так как указанный архетип по существу охватывает все возможные вариации инкursionsи; как видим, он не совпадает с тем архетипом, который устанавливается в схеме закона Рамстедта — Пеллио.

Независимо от окончательных результатов исследования в этой области, уже сейчас можно заметить, что попытка распространить «закон» соответствия начальных смычных на такие слова, как эвенкийск. *хукур* «корова» (ср. тур. *öküz*, монг. *үхэр*), подрывает в основе гипотезу об общем тунгусо-маньчжурском смычном. Эвенкийскому *хукур* соответствует в маньчжурском языке *йхег*, тогда как следовало бы ожидать форму с начальным *ф*. Поэтому в поисках системы соответствий начальных смычных и спирантов целесообразнее ограничиваться собственными материалами тунгусо-маньчжурских языков и не привлекать для обоснования предлагаемых схем материалы других алтайских языков.

Некоторые суждения относительно тюркских языков в связи с законом Рамстедта — Пеллио высказывает П. Пеллио, не сомневающийся в первоначальном родстве (*la parenté originelle*) тюркских и монгольских языков. Соглашаясь с Г. Рамстедтом, П. Пеллио указывает, что процесс исчезновения анлаутного *n в тюркских и монгольских языках начался очень давно, однако он не был завершен в протомонгольском языке, так как, например, начальный *h* сохраняется в отдельных наречиях вплоть до настоящего времени. По мнению исследователя, более или менее точно указанный процесс можно датировать общим тюрко-монгольским состоянием (в прототюркском, или общетюркском, языке начальный *h* уже исчез)².

При этом П. Пеллио высказывает предположение, что в прототюркском языке в некотором количестве слов начальный *n или *φ перешел в б и таким образом сохранился³.

На основе ранее установленных соответствий, принимая во внимание переход *n в б, П. Пеллио сближает следующие тюркские и монгольские слова:

турк.	<i>бармак</i> «палец» <i>баζир</i> «печень» <i>äziр-</i> ⁴ «вращаться» <i>кобайлак</i> «бабочка» <i>уja, oja</i> «гнездо» <i>јултуз</i> «звезда» булан — название масти <i>iрін</i> «губы» <i>үрән</i> «зерно» <i>öкүз, öгүз</i> «бык»	монг. письм.	<i>heregei</i> <i>heligen</i> <i>hergi</i> <i>herbegei</i> <i>he'üd</i> <i>hodun</i> <i>hula'an</i> «красный» <i>huruł</i> <i>hüre</i> <i>häker</i> и т. д.
			(всего 96 слов) ⁵ .

¹ В. И. Цинциус, указ. соч., стр. 155.

² P. Pelliot, *Les mots à h initiale...*, стр. 253.

³ Там же, стр. 262.

⁴ По мнению П. Пеллио, *äziр-* является вторичной формой от *ävîр-*, *avîр-*.

⁵ См. P. Pelliot, *Les mots à h initiale...*, стр. 209—247.

Разбор производимых П. Пеллио сопоставлений позволяет заметить, что многие из них не являются достаточно обоснованными. Некоторые слова, такие, как *hüker* «бык», *hüre* «зерно, плод», относятся к числу так называемых *Kulturwörter*, границы распространения которых довольно неопределенны. По поводу же таких сопоставлений, как *hergelei* и *бармак* «(большой) палец», *heligen* и *бағыр* «печень», *herbegei* и *кёбäläk* «бабочка», *hodun* и *јүлтүз* «звезда» и т. д., следует сказать, что они не имеют под собой никакой почвы.

Между тем в настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного или губного согласного. Ср.:

гагауз. *хаіва* «айва», азерб. *хәїва*, МК I 144¹ *авја* (<*aiva*);
гагауз. *хәїр* «жеребец», башк., кирг., татар., узб., уйг. *аїгїр*, МК I 18 (см. также 95) *адгїр*;

гагауз. *хармут* «груша», азерб., татар. *армуд*, уйг. *амут*;
узб. *хўқиз* «бык», азерб. *öкүз*, казах. *ögiz*, гагауз. *jököyž*, чuvаш. *väkär*, МК III 421 *ököz*;

узб., уйг. *xöl* «влажный», тув., хакас. *öł*;
уйг. *харву*, *харва* «телега», азерб., кирг. *араба*, чuvаш. *урапа*;

уйг. *харак* «водка», татар. *apak*, узб. *apak*, чuvаш. *ÿrëx*;
уйг. *хäрä* «оса, пчела», узб. *äpi* (*bał äpi*);

уйг. *хäçäл* «мед», узб. *äçäl* и др.

Появление аспирации перед широкими гласными, насколько можно судить об этом по приведенным примерам, имеет место главным образом в гагаузском и уйгурском языках, перед узкими — в уйгурском и узбекском; появление же губного наблюдается только в чuvашском языке [*väkär* «бык»; ср. также чuvаш. *vîr-* «жать», татар. *ур-*, МК I 172 *or-*; чuvаш. *väl* «он», татар. *ul*, МК I 21 *ol*; чuvаш. *vutä* «древа», татар. *utyn*; чuvаш. *vîrân* «место», татар. *orun*, МК III 222 *orun*, *urun*; чuvаш. *vîrëñ-* «учиться», татар. *öjrän-*; чuvаш. *vîc* «три», татар. *öç*, узб. *üç*; чuvаш. *vün* «десять», татар. *un*; чuvаш. *vâräm* «длинный», татар. *oziñ*, узб. *uzun*; чuvаш. *vârman* «лес», татар. *urmân*, узб. *ormân* и т. д.]. Кроме того, в гагаузском языке перед узкими гласными появляется так называемый протетический *j* (*jököyž* «бык»). Итак, в современных и древних тюркских языках обнаруживаются три разновидности *Vorschlag'a*: *x*, *v* и *j* (казах. *ögiz* «бык»; ср. узб. *хўқиз*, чuvаш. *väkär*, гагауз. *jököyž*).

Представляется ли возможным возвести указанные звуки к единому общетюркскому прототипу? На этот вопрос, пожалуй, следует ответить отрицательно. Восстановление в данном случае единого прототипа затруднено следующими обстоятельствами:

1. Соответствие начальных *x ~ v ~ j ~ 0* (ноль) или *x ~ v ~ 0* (ноль) находит свое подтверждение полностью чуть ли не в одном только случае (узб. *хўқиз* «бык», чuvаш. *väkär*, гагауз. *jököyž*, казах. *ögiz*). Во всех других случаях мы имеем дело с тремя рядами соответствий: *x ~ 0* (ноль); *v ~ 0*; *j ~ 0*, которые невозможно свести в один ряд.

2. Соответствия *x ~ 0* (ноль), *v ~ 0*, *j ~ 0* встречаются только в начале слова и только перед гласными.

3. Звуки *x*, *v* и *j*, спорадически присутствующие в слове и выступающие перед начальными гласными, в значительной части случаев служат как бы для акцентуации качественного своеобразия гласных (так, например, *v* в чuvашском языке выступает только перед общетюркскими губными гласными).

4. Соответствия *x ~ 0* и *j ~ 0* в тюркских языках не являются регулярными и не подчиняются строгим правилам. Возьмем, например, *avja*

¹ Нами принято следующее сокращение: МК (I—III) — [M a h m u d K a ş q a r i], *Dıvani lûgat-it-türk* tercümesi, çeviren B. Atalay, cilt I — III, Ankara, 1939—1941.

«айва». В гагаузском и азербайджанском языках оно выступает с начальным *x* (*xaјva*; *хәјва*). Однако аналогичное по своим фонетическим данным слово *арба*, *арба* «телега» в азербайджанском языке не имеет начального *x*; в то же время в уйгурском в этом слове имеет место начальное *x* (*харва*, *харев*). Точно так же начальный *x* отсутствует в азерб. *армуд* «груша», отмечаемом в гагаузском языке в виде *хармут*. То же самое следует сказать относительно соответствия *j* ~ 0, добавив только, что его довольно позднее появление в начале слова перед гласным не вызывает, пожалуй, никаких сомнений. О позднем появлении факультативного начального *j* (в качестве своеобразной протезы, может быть, на почве инкурсии) свидетельствуют случаи стяжения широких гласных, ставшие возможными только благодаря наличию перед ними этого звука (ср. *ačač* «дерево» > *jаgач* > *jīgач*, *ačla-* «плакать» > *jačla* > *jīčla*-). Соответствие *e* ~ 0 является вполне систематичным, однако вследствие наличия *e* (~ 0) только в чувашском языке, это соответствие следует рассматривать как возникшее в результате своеобразного развития чувашских начальных губных гласных. Об относительно позднем происхождении *e* в чувашском языке может свидетельствовать отсутствие его в соответствующих словах венгерского языка, которые могли быть заимствованы только из древнечувашского языка (имеются в виду слова ротацирующего типа) (ср. венг. *ökőr* «бык», др.-чуваш. **öčür*¹).

Из всего изложенного следует, что наличие так называемых «приставных» согласных в начале некоторых слов в ряде тюркских языков не может рассматриваться как свидетельство сохранения этими языками следов праалтайского или пратюркского смычного. Упомянутые «приставные» согласные — продукт явления, имевшего место во многих языках² и заключавшегося в том, что начальные гласные в этих языках почти всегда имели слабую инкурсию, которая в зависимости от разных условий могла приобретать совершенно конкретное звуковое качество или сохраняться в несколько неопределенном виде. Б. Я. Владимирцов объясняет это явление (для монгольского языка) физиологическими причинами: «...в полости рта,— пишет он,— органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положение до появления голоса, до звучания голосовых связок...»³.

Таким образом, закон Рамстедта — Пеллио в отношении тюркских языков может быть справедлив лишь в том случае, если он будет восприниматься не в его историко-лингвистической обусловленности, а в плане общих линий развития языка, обусловленных обстоятельствами физиологического порядка.

Как уже упоминалось выше, Г. Рамстедт в своих последних работах сделал попытку восстановить алтайские праформы и разработал систему звуковых соответствий между алтайскими языками. Исследованиям Рамстедта в современной алтайской лингвистике придается большое значение, и Б. Коллиндер считал возможным заявить следующее: «Есть или были недавно алтайцы, которые не считали, что алтайские языки имеют общее происхождение. После появления Алтайской морфологии Г. Рамстедта это отрицательное отношение может быть названо скорее скептическим, чем критическим»⁴.

Так ли обстоит дело в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, насколько обоснованы восстанавливаемые Г. Рамстедтом алтайские праформы. Ограничимся морфологией. Рамстедт

¹ См. Z. G o m b o c z, Die Bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki, 1912, стр. 111.

² См. P. A l t o, On the Altaic initial *p-, «Central Asiatic journal», vol. I, № 1, [1955], стр. 15.

³ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 54.

⁴ B. K o l l i n d e r, Remarks on linguistic affinity, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXVII, Hf. 1—2, 1955, стр. 2.

восстанавливает общеалтайский аффикс мн. числа *-nar* (< *nar «совокупность»); ср. тюрк. *-lar*, монг. письм. *-nar*; ср. также нанайск. *lari* «рядом, с»; якут. *нāр* «вместе с», «совместно»¹. Прежде всего напомним, что Э. К. Пекарский с полным основанием возводил якутское *нāр* к монг. письм. *najir* «согласие, гармония...»². Заметим далее, что есть данные, позволяющие рассматривать монг. письм. *-nar* как заимствование из тюркских языков.

О тюркском происхождении монг. письм. *-nar* свидетельствует тот факт, что в древнемонгольском языке эта форма использовалась ограниченно³, и — наоборот — широко употреблялась в XIV—XV вв. у западных монголов, подвергшихся, как известно, сильному влиянию тюрок (см. Сл. Замахшари II, 100: *kibeler* «делали», 106: *asaqbałar* «спрашивали», 121: *boɔrtałdubałar* «перерезали друг другу горло», 164: *eriltüler* «просьбы», 214: *keleldübeler* «беседовали», 297: *qabałar* «закрыли», 303: *söküldebeler* «ругались»). В тюркских языках аффикс *-lar* ~ *-läp* является единственным общераспространенным морфологическим показателем множественности на протяжении всего периода существования письменности (с VIII в.).

Что касается перехода начального *л* в *н*, то для монгольского письменного языка это вполне обычное явление; ср. монг. письм. *naibin* «сокол» (< тюрк. *лачин*), *pojon* «нойон» (< кит. *лао-йе*). Примечательно также и то, что в монгольских языках к аффиксу *-nar* присоединяются другие показатели множественности; ср. ойратск. *axnärmüd* «старшие», классич. монг. *lamanarud* «ламы»⁴.

Нет достаточных оснований считать общей тюрко-монгольской, или — шире — алтайской, формой и аффикс отымененного глаголообразования *-a*. В монгольском письменном языке известны всего лишь две глагольные основы на *-a*: *qapa-* «пускать кровь» и *sana-* «думать»; обе они неразложимы, и их морфологический состав устанавливается лишь благодаря привлечению тюркских материалов; ср. тюрк. *kan* «кровь», *kana-* «пускать кровь», «кровоточить», *san* «число», *sana-* «считать». Следовательно, в монгольских языках аффикс *-a* как глаголообразующий форматив не существует.

Далее Рамstedt восстанавливает в качестве «праформы», или «древней формы», тюркских и монгольских языков аффикс глаголообразования *-kira* (турк. *-kīra* ~ *-kīra*, монг. письм. *-kira* ~ *kire*)⁵. При помощи этого аффикса в тюркских языках образуется большое количество глагольных основ от звукоподражательных слов. Например: др.-турк. *jaṇçür-* «звучать», казах. *bakīr-* «кричать, вопить», *akīr-* «громко кричать», *pī-* «звучать», *skīr-* «фыркать», *tūşkīr-* «чихать», *kēkīr-* «рыгать», *ïskīr-* «свистеть»; турецк. *pûfkûr-* «дуть»; туркм. *gîşîr* «кричать истощенным голосом», *cîşîr-* «свистеть», *pîñkîr-* «прыснуть со смеху», *sîñçîr-* «икать», *aîşîr-* «кричать», *horçur-* «храпеть» (о лошади); узб. *bakīr-* «громко кричать», *kîčkîr-* «кричать», *chakîr-* «звать», *pîşkîr-* «фыркать». В монгольском письменном языке случаи участия аффикса *-kira* ~ *-kire* в глаголообразовании немногочисленны. Примеры: *qaškira-*, *barkira-* «кричать», *xaikira-* «звать», *śis-kire-* «свистеть», *śirkire-* «чирикать».

Существует, на наш взгляд, вполне реальная возможность этимологизации рассматриваемого аффикса на собственно тюркском материале.

¹ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 59.

² См. «Словарь якутского языка», сост. Э. К. Пекарским, т. 2, Л., 1927, стр. 1680.

³ Так, давая общую характеристику показателей множественности в древнемонгольском языке, С. А. Козин указывает, что употребление аффикса *-nar*~*-ner* «засвидетельствовано лишь в трех-четырех случаях» и в XIII в. «не получило еще должного представления сравнительно позднюю формацию: *ax-a-nar*, *deü-nar*, *Oronar*, *Oronar*, развития, представляя сравнительно позднюю формацию: *ax-a-nar*, *deü-nar*, *Oronar*, *Xorilar*» (С. А. Козин, К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», № 69. Серия филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 123).

⁴ См. Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 134.

⁵ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 224.

Аффикс *-kīr(a)* можно считать состоящим из тюркского глагола *ур-* «быть» и заднеязычного согласного, перешедшего к глагольной основе от образных слов, которые нередко сочетаются именно с этим глаголом. Ср. туркм. *xīç ur-* «рычать (о собаке)», *chaх chaх ur-*, *kaх kaх ur-* «хотеть», *gark ur-* «кашлять», узб. *zaң ur-* «подавать сигнал, звонить», *joш ur-* «бурлить, кипеть»¹. Переход *-kūr > -kīr* произошел вследствие делабиализации — процесса, охватившего в XIV—XV вв. непервые слоги многих тюркских языков.

Во многих — в общем ясных — случаях Г. Рамстедт затрудняется установить, опирается ли сходство тюркских и монгольских (иногда и тунгусо-маньчжурских) форм на обоюдные заимствования в области лексики или на древнюю общность этих языков². Приведем два примера: тюрк. *-ruk*, монг. письм. *-rγa* (аффикс отглагольного образования имен) и тюрк. *-dūruk*, монг. письм. *-durγa* (аффикс отыменного образования имен).

Элемент основы *-rγa* появился в монгольском письменном языке в результате заимствования тюркских слов, образованных при помощи аффикса *-ruk*, типа др.-турк. *basruk* «пресс» (бас- «давить, наступать»), *jumruk ~ jumruž* «кулак» (*jum-* «жимать, закрывать»). Направление фонетических изменений этого элемента определялось присущей древним монгольским языкам тенденцией избегать глухих заднеязычных в конце слова.

Точно так же монг. письм. *-durγa* восходит к тюрк. *-dūruk*. В тюркских языках аффикс *-dūruk ~ -dūrūk* встречается довольно часто, хотя в настоящее время уже не является продуктивным; ср. др.-турк. *kīldūruk* «олосинки на колосе пшеницы» (*kīl* «олосок»), *kōmūldūruk* «украшение сбруи на груди лошади» (*kōnjl ~ kōmjl* «сердце», «грудь»), *bojūndūruk* «ярмо» (бојун «шея»), ст.-узб. *ömildirik* «нагрудник» (*ömjl ~ ömür* «грудь»; ср. чуваш. *ämra*, *ämär* «грудь лошади», монг. письм. *ebür* «грудь», телеут. *ömür*), *Jixazdirik* «принадлежность конской сбруи» (*Jixaz* «утварь, предметы обихода, оборудование»), *sakalmuturuk* «особый гребень для бороды» (*sakal* «борода»); турецк. *ogulduruk* «матка» (*ogul* «сын»). В монгольских языках элемент *-durγa ~ -dūrge* обнаруживается всего лишь в двух словах — монг. письм. *kōmūldūrge* «нагрудный ремень» и бурят. *bältärge* «волчонок» (ср. др.-турк. *kōmūldūrūk*, казах. *bölmiřik*), морфологическое членение которых возможно только на тюркской почве (турк. *kōmjl ~ kōnjl* «грудь», *böl ~ böř < böři* «волк»). Внешнее своеобразие *-lūrge* — следствие приспособительных фонетических изменений. Количества подобных примеров можно памного увеличить.

Несколько примеров морфологических заимствований в алтайских и главным образом в тюркских и монгольских языках приводит Б. Я. Владимицов: «... монгольский язык, — пишет он, — представляет много примеров своего смешанного происхождения»³. К числу тюркских морфологических заимствований в монгольских языках Б. Я. Владимицов относит приготовительное деепричастие на *-run ~ -rūn*, конечное деепричастие на *-ra ~ -re* (ср. также в тунгусо-маньчжурских языках), глагольную форму на *-mīš* и т. д. Из монгольских языков в тюркские был заимствован, по его мнению, аффикс именного словообразования *-γul*⁴.

¹ Глагол *ур-* часто употребляется и в сочетаниях с именами существительными, например: др.-турк. *bojūn ur-* «приказывать» (*bojūn* «шея»; ср. *bojūn sun-* «подчиняться»), *jol ur-* «путешествовать» (*jol* «дорога»), *at ur-* «называть» (*at* «имя»), *jūz ur-* «смотреть, взирать» (*jūz* «лицо»), *kōnjl ur-* «иметь намерение, стремиться к чему-либо» (*kōnjl* «сердце»), ст.-узб. *baш ur-* «бить человеком», *davr ur-* «вращаться», *dam ur-* «отдыхать» и т. д.

² См. Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 187; см. также стр. 188, 189, 190.

³ Б. Я. Владимицов, Турские элементы в монгольском языке, ЗВОРАО, т. XX, вып. II—III, 1911, стр. 178, 179.

⁴ Там же, стр. 171—180.

То обстоятельство, что в основе многих моментов, объединяющих разные алтайские языки, лежат длительные контакты, отмечает также Л. Лигети: «...племена и народы, носители этих языков, начиная с самых древних времен, многократно вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения. Эти соприкосновения безусловно оставляли следы как в словарном составе отдельных алтайских языков, так и в их грамматической структуре»¹.

В заключение необходимо отметить, что огромное количество лексических и морфологических параллелей выделено Г. Рамstedтом без достаточных оснований. Таковы тюрк. *ördäk* «утка» и монг. письм. *öryüne* «запад», тюрк. *üç* «три» и монг. письм. *üçük* «маленький», тюрк. *üzäңү*, узб. диал. *zäñi* «стремя» и монг. письм. *dürege* «стремя», тюрк. *kör* «видеть» и монг. письм. *kii* «прямо, ровно», тюрк. *otra* «середина» и монг. письм. *dotorla* «в»². Количество подобных параллелей составляет значительную часть используемых Г. Рамstedтом примеров. Характерно, что при выделении указанных выше параллелей Г. Рамstedт иногда не считается даже с теми фонетическими соответствиями, которые он устанавливает сам.

Как нам кажется, все эти соображения, изложенные кратко в пределах одной журнальной статьи, показывают, насколько оправдано то настороженное отношение к алтайской гипотезе, которое Б. Коллиндер склонен объяснить избытком скептицизма.

*

Все высказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Материальная и структурная близость алтайских языков несомнена, однако еще нельзя считать выясненным, является ли алтаизм понятием сравнительно-исторического языкознания или же он должен рассматриваться в духе так называемой неолингвистики как лингвистический тип, как совокупность ряда определенных, важных признаков, например агглютинации, гармонии гласных, соподчиненности элементов синтаксических структур и т. д.

2. Важным условием правильного объяснения связей между алтайскими языками является предварительное выделение всего того, что может быть отнесено к заимствованиям, обилие которых признается как противниками, так и сторонниками алтайской гипотезы.

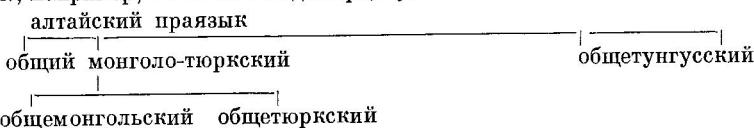
3. Для определения характера связей между алтайскими языками большое значение имеет ограничение сравниваемых объектов. Необходимо исследовать, с одной стороны, связи тюркских и монгольских языков, с другой — связи монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Такой путь исследования тюркско-монголо-тунгусских связей вполне соответствует распространенным среди алтаистов взглядам на отношение разных алтайских языков к праязыку³.

4. Для исследования связей между разными группами алтайских языков может оказаться полезным сочетание сравнительного метода с приемами лингвистической географии, позволяющее более или менее четко разграничить факты заимствования и факты генетического родства (если последнее имело место).

¹ Л. Лигети, указ. соч., стр. 134.

² G. J. Ramstedt, Einführung in die altaiische Sprachwissenschaft, I, стр. 46—52, 146—147.

³ См., например, по Б. Я. Владимирцову:

(Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка..., стр. 47).